

Вырезка из газеты

22 МАР 1987

ЗНАМЯ

г. Калуга

2012

## В НАРОДНЫХ ТЕАТРАХ

# ПО СТАРОМУ СЮЖЕТУ...

Угадать свою пьесу — задача сложная и для профессионального театра. Тем более важно это для самодеятельного коллектива. Калужский народный театр юного зрителя в семнадцатом театральном сезоне обратился к «Уэстсайдской повести» Артура Лорента.

Эта современная американская вариация «Ромео и Джульетты» с большим успехом шла в Америке и в Англии в те годы, когда наш ТЮЗ еще и не родился. Ставили ее и советские театры. Пьеса дает возможность разных толкований, так же, как и использования разнообразных театральных средств.

Молодая труппа ТЮЗа (а сейчас из 48 участников только 13 — из прежнего состава) как нельзя более соответствует по возрасту персонажам «Уэстсайдской повести». Да, именно мальчики и девочки эмигрантского квартала Нью-Йорка дерутся между собой за право владеть своей улицей. Поселившиеся здесь пуэрториканцы — принцессы в Америке, но и немущие белые этого квартала — тоже изгой буржуазного общества. Враждующими бандами называли они себя. А любовь перепутала законы улицы, выбрала американца Тони и пуэрториканку Марию, и, как всегда во все времена, явилась чудом.

Тюзовское представление в стиле диско, представленное режиссером Н. Троицким с хореографией М. Долговой и сценографией Ю. Мордмилонвич, — это прежде всего та-

нцев. Танцуют на сцене, в зале, в фойе. И то, и другое, и третье — действующее пространство спектакля. Лестница на сцене и рассекающие пространство потолка полосы ресек, — это и женское ателье в подвале, и бар, где работает Тони, и улица, и пустырь под автострадой.

С общего танца и начинается спектакль. Волящая, словно бьющаяся в конвульсиях масса, скрюченные дружины тел... Но в плену ритма не выплеснуть энергии — и вот уже ноги не танцуют, а бьют. Танец оборачивается свалкой, дракой. Пока в этой толпе никто не солирует, равно как ничем не отличаются пуэрториканцы от белых. Театр сознательно показывает их сходство: и те, и другие без благ в этом благостном для богатых мире, и те, и другие — с сомнительным будущим. Одиночество среди взрослых толкает их на улицу. В шайке — равенство, дружба, сила. Но социальная обделенность и униженность истинных — коренных американцев в своей родной стране острее. Зато проще всего обвинять эмигрантов. Да и официальное мнение в лице полицейского Шренка (В. Голоднов, Ю. Кастерин) постоянно напоминает о том, кто хозяин, а кто чужой.

Танец, драки и бой занимают в спектакле не только основное время действия. Это и наиболее эмоциональные и выразительные его моменты. Тут видна серьезная работа над пластикой и ритмом, ощутимо смысловое движение

сцен. Драки вначале — скорые детские потасовки, возникающие стихийно от избытка энергии, и почти безобидные. После убийства главарей банд Риффа (А. Гольцов) и Бернардо (В. Мартынов) детство кончается.

Мужской фронтально выстроенный танец-пантомима, обозначающий новую тактику американцев: «Действуя, но не зарываясь!» — это уже нравственная перестройка на беспощадную месть, сознательная школа насилия. А круговой танец избития Аниты (Т. Пегусова) свидетельствует о массовой оболваненности идеей вражды, ярости, разрушительной для них самих. «Когда же вы остановитесь?» — кричит в отчаянии Док, а белые парни, даже не замечая вырвавшейся из колыма пуэрториканки, продолжают бесноваться, изнемогая под натиском слепой злобы.

Интересна в пластическом решении и сцена потешного суда над самими собой, что устраивают подростки. Но, комически представляя всех, кто судит социально-больное поколение, исполнители в ритме и азарте этой сцены теряют значимость текста, характеризующего американское «дно».

Любовь Тони и Марии в спектакле подана над толпой, в неземном ореоле, в лучезарности чуда. Исполнители Г. Костин и Е. Шмакова проходят через весь спектакль с одним и тем же выражением счастья на лицах, и невольно

отмечаешь одноплановость этих американских Ромео и Джульетты.

Думается, ни жанр диско, ни неопытность исполнителей не снимают требования психологичности спектакля. Запоминается Анита в исполнении Т. Пегусовой. Она вполне земная, узнавшая и жизнь в Америке, и любовь. До коварной мести ее, добрую и доверчивую, на наших глазах доводит действительность.

Общество, где бьют наповал, а предсмертные крики людей не слышны из-за шума улиц, общество, где дергающиеся в сутолоке жизни люди похожи на марионеток, а искореженность душ страшнее показной изломанности тела, — это больное общество. И театр юного зрителя, ставя свои спектакли, заставляет задуматься над тем, как складываются отношения человека с миром и как нелегко выжить в несправедливо устроенном мире.

В финале «Уэстсайдской повести» театр призывает всех ее персонажей одуматься, посмотреть в глаза друг другу и вспомнить о том, что они — люди. От каждого из них зависит спокойствие в мире. Распрямляясь в хороводе согласного движения, проходят по сцене молодые люди, только что разыгравшие историю из жизни чужой страны. Преображаются глаза и лица. Это уже не персонажи, а артисты — молодежь советской страны.

С. СОЛОВЬЕВА.